

ВОСПОМИНАНИЯ

П. ИГНАТОВ РЯДОМ С ГЕОРГИЕМ ДИМИТРОВЫМ

Ниже публикуются отдельные главы (с некоторыми сокращениями) из выпущенной в 1971 г. болгарским издательством «Народна младеж» книги Петра Игнатова «Сердце для всех». В ней автор — в прошлом активный участник молодежного революционного движения в Болгарии, узник одного из монархо-фашистских концлагерей, ныне заместитель начальника Главного управления по туризму при Совете министров НРБ — делится воспоминаниями о последних годах жизни и деятельности Георгия Димитрова. В декабре 1947 г. по решению Политбюро БРП(к) П. Игнатову была поручена охрана Г. Димитрова. Впоследствии он стал его личным секретарем.

Перевод с болгарского языка Р. П. Гришиной.

С УТРА ДО ВЕЧЕРА

Георгий Димитров обладал огромной работоспособностью. Он трудился целыми днями на благо своего народа, для победы дела мирового пролетариата. Врачи, видя, как он работает, каких только советов не давали ему. Однажды доктор Ангел Симеонов, ныне профессор, сказал ему: «Даже четыре часа занятых в день и то для Вас много... Но пусть четыре, и никак не больше!». Димитров лишь усмехнулся. Наблюдая за ним повседневно, я поражался его выносливости, колоссальной трудоспособности, огромным потенциальным силам.

Обычно утром он вставал между шестью и семью часами. Еще в халате входил в кабинет и приступал к работе. Ровно в семь часов все столичные газеты были уже у него на столе. И начинался, как он называл, «обзор печати». В первую очередь Димитров читал «Работническо дело». Притом самым внимательным образом, от передовой до хроники. На полях газеты появлялись замечания, сделанные синим карандашом, иногда он просил сразу же связать его с редакцией. Читая, Димитров часто останавливался, поднимал голову, задумывался. Или что-то записывал в свой дневник. Наверное прочитанное рождало новые мысли, которые его государственный ум хотел превратить в дела. Или Димитров хотел, чтобы завтра в газете появилась такая-то передовая статья. Он не давал распоряжения, просто советовал: «Было бы хорошо...», «Если это возможно...», «Было бы неплохо...». Особенно интересовался он письмами читателей. Это была его любимая рубрика. Он считал газету единственной и необходимой, если люди писали в нее, спрашивали о чем-то, предлагали, критиковали. Связь с народом, с его интересами — вот что требовал от главного редактора, от всего редакционного коллектива.

Умывание. Бритье. Около девяти часов — легкий завтрак, чай, реже кофе. Девять часов. Начинается его рабочий день. Интенсивный труд до пяти часов, без перерыва. Затем обед. Если не было заседаний Центрального Комитета или Совета

министров, которые часто проводились и во «Вране», где он жил, то принимал членов Политбюро и министров, своих секретарей и помощников. Часто посещали его и люди, пришедшие прямо с завода, с поля, с гор. И он подолгу разговаривал с ними.

Иногда, если утром не было спешных дел, выходил в парк на прогулку, но прогуливаться один не любил. Обычно его сопровождали жена Роза Юльевна и приемный сын Бойко. После обеда отыхал некоторое время, час-два посвящая семье. Около семи часов вечера Димитров снова садился за письменный стол. Если не было официальных ужинов и занятий, работал в своем кабинете до десяти — половины одиннадцатого вечера.

После изнурительных занятий в течение дня в этот поздний час Димитров просил показать ему фильм. Это было для него отдыхом. И в кино он не любил быть один. Его сопровождали жена, служащие, еще не ушедшие спать. Когда мы шли к кинозалу, он приглашал всех, кто встречался в коридоре. Димитров предпочитал старые фильмы, хорошие, интересные, выдержавшие проверку временем. Его раздражали пошлые и дешевые поделки. Он очень любил революционные, особенно советские, фильмы, посвященные Октябрьской революции, Ленину. Их всегда смотрел с неослабевающим интересом, восхищаясь смелыми, сердечными и искренними людьми.

Вот вижу его сидящим в середине пустого зала. Подперев кулаком подбородок, задумавшись, всматривается он в залитый снопом лучей экран. Самыми любимыми его картинами были «Ленин в 1918 году» и «Ленин в Октябре». Нравился ему и «Броненосец «Потемкин», но первые две он ставил выше. В последней же особенно восхищался сценой на одесской лестнице. Фильм «Трактористы» очаровывал его своей музыкой, жизнерадостностью. А веселую шведскую комедию «Все крутится» смотрел более 25 раз. Там не о чем было думать, только смеяться и смеяться... И часто около полуночи в зале раздавался звучный смех Димитрова.

Георгий Димитров критически относился к каждому случаю неумелого использования средств кино, к искажению правды жизни. Однажды во время демонстрации фильма он не выдержал и громко выразил свое негодование: «Так не бывает. Люди должны поверить в истину, чтобы она стала и их тоже. Мало только сказать о ней!».

В 1935 г. издательство «Молодая гвардия» предложило Георгию Димитрову написать предисловие к роману Чернышевского «Что делать?». Тогда он написал слова, полные мудрости, которые повторял почти наизусть на многих встречах с молодежью, пионерами, молодыми рабочими. Когда давал им советы постоянно учиться или что читать, всегда начинал с «Что делать?».

«Роман Чернышевского «Что делать?», — говорил он, — насколько мне известно, не признавался литературной критикой за полноценное художественное произведение. Этот роман не входил в классическую русскую литературу. Я, конечно, не специалист по вопросам художественной литературы и не берусь судить, насколько верна такая оценка. Но бесспорно, что роман Чернышевского оказал огромное влияние на революционное движение в России второй половины XIX в. Целые поколения молодых революционеров воспитывались на примере героев «Что делать?» — Рахметова, Кирсанова, Лопухова и Веры Павловны и очень часто старались буквально подражать личной твердости, выносливости, преданности делу революции и непримиримости к врагам — качествам героев Чернышевского.

Роман «Что делать?» оказал лично на меня, тогда молодого рабочего, делавшего первые шаги в революционном движении Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние. И надо сказать, что ни раньше, ни позже ни одно литературное произведение не повлияло так сильно на мое революционное воспитание, как роман Чернышевского. Моим любимым героем был Рахметов. И я поставил себе целью быть твердым, выносливым, бесстрашным, самоотверженным, подчинить личную свою жизнь интересам великого дела рабочего класса, одним словом, быть таким, каким мне представлялся этот безупречный герой Чернышевского. Я не сомневаюсь, что именно это благотворное влияние, испытанное мною в молодости, способствовало моему превращению в пролетарского революционера, помогало моей революционной борьбе и в Болгарии и на Лейпцигском процессе.

И сейчас, перечитывая «Что делать?», я вновь испытываю большое волнение и наслаждение. Чем объяснить эту силу, это влияние романа Чернышевского? По-моему, объяснение нужно искать в том, что великий революционер и публицист, несмотря на все свои ошибочные политические представления,ственные революционному просветительству, сумел создать прекрасные, живые образы новых для того времени людей. Это были люди смелые, без колебаний, без страха перед врагом, люди, не боявшиеся трудностей, подчинявшие личную жизнь великому идеалу, умевшие взяться за работу и, как говорил сам Чернышевский, «если они брались за дело, то так крепко, что оно не расплзлось из-под их рук».

Здесь Димитров делал небольшую паузу и затем заканчивал так: «Да, смелость, самоотверженность, беспримерный героизм и беспредельная преданность революции — вот что делало героев Чернышевского любимыми для новых революционных поколений. Роман «Что делать?» и сейчас не потерял своего воспитательного значения. Читая его, наша молодежь, несомненно, не только получит большое наслаждение, но и извлечет настоящую пользу для своего революционного воспитания. Не случайно Ленин так сильно любил и так высоко ценил революционера и писателя Чернышевского».

Идя в свой кабинет, расположенный в новом крыле дворца «Враня», или на прогулку, Димитров никогда не оставался безучастным к людям, мимо которых проходил или которые в это время работали поблизости. Однажды, шагая по аллее, он услышал доносящиеся откуда-то звуки песни, шум женских голосов. Навстречу шел служащий Митко Мицилков, у него и спросил Димитров, где это поют. Мицилков ответил, что в одном из помещений собирались работницы, чтобы отпраздновать 8 марта. Димитров попросил проводить его туда.

Как только мы вошли, женщины и девушки, радостные, вскочили. Димитров поздравил их с праздником и спросил у служащего: «А чем угостили девушек и женщин? Хорошо ли приготовлено? Достаточно ли напитков?». Он попросил еще принести напитков и чокнулся с каждой женщиной, пожелав ей здоровья.

Кабинеты Георгия Димитрова — один находился в его квартире, в старой части дворца «Враня», второй помещался в крыле, восстановленном после бомбардировки [англо-американской авиацией в 1944 г.] — были скромно обставлены, без лишней мебели. Димитров не любил вещей. Ни блеск персидского ковра, ни изящество отделки дубом не могли порадовать его так, как простое письмо или адресованная ему просьба, которую он мог удовлетворить.

В кабинете, расположенном в квартире, Димитров хранил несколько предметов, которые никто не имел права убирать оттуда: карманные часы — подарок первой его жены Любы, авторучку — подарок Долорес Ибаррури, две пары очков, курительные трубки и коробку сигар. К трубкам он был очень неравнодушен, хотя и не всеми ими пользовался. Это скорее было его хобби. Однажды девушка, убиравшая комнату, уронила трубку и та разбилась пополам. Он ничего не сказал, только легкая морщинка прошла по его лбу. И сразу же отдал ее склейть. Иногда Димитров курил и сигары, но предпочтение отдавал трубке. И все-таки коробка с сигарами не исчезала с его стола. Наверное, она связывала его с чем-то дорогим, о чем я не успел узнать.

Среди вещей, которые всегда находились в его кабинете, были железный переносный сейф и две сумки. Они всегда были с ним, даже и тогда, когда он уезжал из Софии, независимо от того, куда он отправлялся — в провинцию или за границу. В сейфе он держал свои личные дневники, а в сумках были материалы, над которыми работал. Там же хранился паспорт на имя греческого торговца Георгиядиса, который не раз и не в одной стране сослужил ему службу в годы нелегальной работы. Всегда, когда нам предстояло выехать из Софии, он клал в одну сумку ручку Ибаррури и две пары очков. Может быть они ему и не понадобятся. Но таковы были его привычки, сохранившиеся до конца его дней. Они создавали ему особую творческую атмосферу. В образе жизни Димитрова были законы, выработанные им самим, которые не подлежали изменениям. Он был как солдат, который знает, что после того, как труба сыграет «подъем», весь день его будет распределен на часы и минуты. Единственная разница была в том, что Димитров не знал, что такое «отбой».

Находясь в Барвихе, неподалеку от Москвы, он распорядился, чтобы каждый день ему присыпали из Софии подробную информацию, рассортированную по специальным разделам: из министерства иностранных дел, судебная информация и сообщения о состоянии дел на границах, о положении в Греции, сведения из органов государственной безопасности, партийная информация, обзор печати по внутренним и международным событиям. И он всегда хотел, чтобы ему сообщали, как переданы в соответствующие ведомства его мнения, оценки и указания, дававшиеся им на основе полученных сведений. И сам каждый день отправлял много запросов, среди которых были, например, и такие: «Когда день рождения Кимона Георгиева?», «Что сделано по заявлению того или иного гражданина?», «Когда состоится физкультурный праздник и что делается для его подготовки?». Или: «Васил Коларов, принявший на себя функции премьер-министра, должен занять его кабинет в Совете министров!».

Оставаясь вдалеке от столицы Болгарии, Димитров учил, как надо конкретно применять ленинский метод руководства и работы. 11 апреля 1949 г. он послал в Софию такое дополнение к решению ЦК партии: «Если дело касается решения важного вопроса каким-либо министром, он должен информировать об этом премьер-министра, который даст свои указания по поводу этого вопроса или внесет его на рассмотрение Совета министров. Если решение какого-либо вопроса затрагивает несколько министерств, премьер-министр дает указание о согласовании вопроса между ними или назначает специальную комиссию, которая должна изучить вопрос и внести свои предложения в Совет министров. Вопросы принципиального значения, по которым не принято партийной директивы, должны решаться предварительно на Политбюро».

Я удивлялся, откуда он берет столько сил! Ведь и он был человеком, как все мы, и он нуждался в отдыхе и развлечениях. Но в те первые годы народной власти вопросов, стоявших перед ним, было целое море. Он был как командир, который, тщательно подготовив атаку, первым вступает в бой и не уходит, пока не увидит развевающиеся знамя победы. По самоотверженности он был похож на Васила Левского, по огневому своему духу — на Христо Ботева. Он был один за всех, потому что твердо верил, что придет время и все будут за одного. Больше всего он любил свое Отечество и никогда не боялся умереть за него. Бывшее в глазах геройство не привлекало Димитрова, он не признавал слепого азарта, когда нужно было принять решение. Когда я смотрел, что он делает и на что способен, много раз мне приходила в голову мысль, и когда он еще был жив, и после его смерти, что дух болгарского народа веками накапливал силы, чтобы в прекрасный день, 18 июня 1882 г., влиться в селе Ковачевцы в сердце Георгия Димитрова.

И это сердце забилось вместе с ударами кирок шахтеров Перника. Его мысль рождалась вместе с буквами, набиравшимися типографскими рабочими. Черствый хлеб научил его любить болгарских крестьян и бороться за них. Это сердце не принадлежало только ему одному, оно было для всех.

ЧЕЛОВЕК ПРЕЖДЕ ВСЕГО

И премьер-министры, и министры, послы, атташе по культуре, журналисты, наконец, обычные посетители, — все без исключения, относились к Георгию Димитрову с большим почтением, я бы даже сказал, с преклонением. Сама его слава героя и революционера внушила уважение, но я не помню ни одного случая, чтобы он это использовал.

Георгий Димитров обладал природным тактом, врожденным чувством вежливости, уважения к людям, искреннего, а не внешнего, формального. Георгий Димитров считал, что каждый человек может быть полезен обществу, если верно его направить. Он одинаково интересовался и работой садовника, который хотел изучать звезды по французским книгам, и разносторонней деятельностью своих прямых помощников по государственным и партийным делам.

Комендант «Враны» Никола Клисаров бывал особенно доволен, когда наступало время обеда или ужина. Он накрывал стол для Георгия Димитрова и в эти часы мог

быть около него, разговаривать с ним. Человек без особого образования он был очень привязан к премьер-министру и его семье. Он заботился о том, чтобы обеспечить необходимое диетическое питание, а также писал из обычных продуктов, которую Георгий Димитров любил даже больше. Может быть поэтому Роза Юльевна очень сердечно относилась к Клисарову, называла его «бай Кольо». Да и все, кроме Георгия Димитрова, называли Клисарова так, хотя некоторые были и старше.

В этот день Кольо был особенно говорлив. Во время обеда, подавая блюда, рассказывал, что он слышал и видел днем. Вдруг он стукнул себя по лбу — забыл самое главное. Все прекратили есть. Оказывается, за несколько дней до этого кооператоры одного хозяйства послали Димитрову специальные подарки, и бай Кольо отправил их в ближайший госхоз. Такой приказ он получил раньше лично от Георгия Димитрова: все подарки немедленно приходить как государственное имущество. Димитров оставлял себе только мелкие вещи — какую-нибудь оригинальную трубку, красиво вышитую рубашку, меховую шапку...

— Какие подарки? — спросил Георгий Димитров.

Загибая пальцы, бай Кольо начал перечислять:

— Корова, конь, но конь выхоленный, с блестящей шерстью, арабской породы... Тут он пустился в долгие разъяснения относительно преимуществ чистокровных арабских лошадей. Потом начал снова загибать пальцы: — Бычок...

— Что, что? — переспросила Роза Юльевна, не поняв последнее слово.

— Бычок, — повторил бай Кольо и серьезным тоном пояснил по-русски, — мужская телятина.

Мы прыснули со смеху. А бай Кольо, поняв, в какое неловкое положение попал, стоял, как вкопанный, не зная, куда деть руки.

Только на лице Георгия Димитрова не дрогнул ни один мускул. Все так же соредоточенно, как будто ничего не слышал, он продолжал есть. Заметив растущее смущение Кольо, он вдруг спросил одного из присутствующих о чем-то, сейчас не помню точно, но очень важном и не имевшим никакой связи с предыдущим. И все тут же забыли о «мужской телятине» бай Кольо. И даже не поняли, что это было ходом Георгия Димитрова, чтобы помочь сбитому с толку человеку.

Под вечер бай Кольо встретился мне во дворе:

— Большую глупость брякнул я сегодня, а? И если бы не та байка товарища Димитрова, я бы провалился сквозь землю от стыда. Посмешищем стал.

— О какой байке товарища Димитрова ты говоришь? — спросил я удивленно. Бай Кольо напомнил мне тему разговора, начатого Димитровым.

— Но это не было сказано специально, это очень важный вопрос. Очень, очень важный...

— Как бы не так! Если это было так важно, у бай Георгия есть кабинет, чтобы говорить о таких вещах. А тут было другое. Он понял как дважды два, что я вконец запутался, и решил мне помочь. А вам только палец покажи... Подумаешь как смешно!

И много, много раз позже я видел проявления этого качества Георгия Димитрова. Некоторые называют это тактом, другие — воспитанностью. Можно определить такую черту и как этичность. Для меня это было истинной заботой о человеке. Коль запутался человек в каких-то недоразумениях — подать ему руку, помочь ему, но так, чтобы это не выглядело милостыней. И чтобы другие не поняли этого. Может быть в этом — один из элементов человечности, коммунистической человечности.

...Однажды Нацко, повар Георгия Димитрова, попросил меня:

— Дай мне служебную машину, мне нужно в Софию. Очень нужно. Из дома звонили...

— Возьми, — сказал я. — Свободного шофера сам найди. — И отправил его, сам занятый какой-то спешной работой.

Вскоре услышал, как затарахтел мотор одной из наших машин. Я подошел к окну посмотреть, какая машина собралась в путь, и увидел, что комендант бай Кольо, силясь налево-направо, почти бежит к нашему зданию. Через минуту в коридоре раздался громкий шепот, он быстро нарастил. Говорили несколько человек сразу. Я выскочил из комнаты.

— Только действовать надо осторожно, очень осторожно, — давал наставления

служащий охраны. — Пусть придет, сядет в машину, тронется и тогда — стоп, дружище... Случилось неприятное.

Оказывается, в кухне кто-то видел, как Нацко спрятал за пазуху пакет с маслом и теперь торопился бежать с ним в Софию. Это были трудные годы, продуктов не хватало, а некоторых и вовсе не было в продаже. Нацко, конечно, не знал, что был замечен и что об этом уже знает охрана. Шофер уже нетерпеливо давал сигналы, а Нацко медлил. Наверное, страшно было пройти эти 20 метров до машины.

Я остановился в глубине коридора, повернувшись лицом к окну, и стал ждать. Через несколько минут разыгралась история, после которой Нацко уже не будет Нацко, одним из наших людей.

Но увольнения или перемещения людей, работавших при Георгии Димитрове, могли происходить только с его согласия. О случае с Нацко ему доложили. Было сделано и соответствующее предложение.

— Т-а-а-к! — сказал Димитров и откинулся на стуле. — Здорово вы изловчились. Настоящий капкан ему устроили. Поймали на месте преступления и рапорт об увольнении... Большую бдительность проявили... А дальше что? Как вы думаете, воспитает эта мера человека? Уйдет отсюда с биркой «вор» и что будет делать?.. Он встал и прошелся по комнате, разжигая трубку.

— Да, красть нельзя. И это каждый должен знать. Но нужно ему объяснить, нужно заставить его почувствовать, что в социалистическом обществе этого не должно быть, нужно, чтобы он осознал свой поступок и помнил о нем всю жизнь... Позовите этого человека ко мне. Я ему подпишу увольнение!

Больше часа пробыл Нацко у Георгия Димитрова. О чем они говорили, не знаю, да и не хотел спрашивать Нацко, потому что, когда он вышел от Димитрова, на глазах его были слезы.

— Эх, вы, люди, — сказал мне наутро Димитров, — у него неделю назад ребенок обгорел и в тяжелом состоянии его отвезли в больницу... И пакетиком масла он хотел его в сознание привести... А вы были готовы повесить его.

Я оцепенел. Что мы могли наделать с нашей бдительностью!

— Каждый из нас, — закончил Димитров, — должен быть прежде всего человеком и только тогда решать судьбу других.

Этот случай заставляет меня вспомнить, какое большое внимание уделял Димитров подбору людей, работающих при нем, как заботился об их воспитании. Он был из тех людей, которые сегодня знают больше, чем вчера, и завтра будут знать больше, чем сегодня. Не рассчитывал только на свои старые знания, не опирался только на известное. Все новое притягивало его, как магнит.

Поводом для разговора на эту тему была манера поведения одного нашего товарища из охраны. Начав с наставления о службе охраны, Димитров по своему обычаю кончил широким обобщением.

Была весна 1948 г. Димитров захотел пройтись по парку. У ворот, отделявших старое крыло здания от нового, служащий охраны стоял, как истукан, словно не видя, кто проходит мимо. Димитров быстро взглянул на него и первым поздоровался. Этот товарищ, бывший партизан, был верным и преданным, но по характеру резко отличался от остальных работников: был замкнутым, необщительным. Перед Георгием Димитровым он испытывал смущение, и я был уверен, что происходило это смущение от его большой любви и уважения к Димитрову. Но он служил в охране Димитрова и, естественно, часто бывал около него. Он должен был владеть собой, должен был быть сообразительным и нести свою службу, как полагается.

Во дворе Георгий Димитров обратился ко мне:

— Ваша работа изнурительна. Надоедает стоять целый день на посту. Каждый день — одно и то же. А в свободные часы? Для служащих охраны необходима постоянная занятость, учения, стрельба, текущая информация, кружки. Здесь надо иметь библиотеку, читальню и прочее. Если люди заняты только тем, что стоят на посту, если они не просвещаются, может наступить деморализация их.

— У нас прекрасные кадры, — продолжал Димитров, шагая. Он набил трубку табаком, но не раскурил ее. — Надо только найти их, правильно определить на соответствующие места в зависимости от их способностей и наклонностей. Обеспечить им хорошее руководство и условия для просвещения. Уберечь от деморализации.

Человек, находящийся не на месте, не только не справляется со своим делом, со своими обязанностями. То, что работа его хромает и что партия и государство не получают от него необходимой пользы, — половина беды, меньшая половина. Хуже другое: он начнет деморализовываться, работать перед вышестоящими, наушничать, компрометировать своих товарищей, оттирать более способных. Кадры нужно предохранять от деморализации, помогать им расти. Это — одна из главных забот партии. Их нужно постоянно воспитывать в духе скромности и ответственности перед партией и народом. Наша партия — правящая. Условия изменились и будут продолжать изменяться, но это не значит, что можно допустить, хотя бы и в отдельные моменты, чтобы личные интересы ставились выше интересов партии и народа.

